

Ю.М. МАЛЬЦЕВА

*Кандидат философских наук,
старший преподаватель СПбГУ
Санкт-Петербург*

А.А. НОСКОВ

*Магистр философии,
преподаватель СПбГУПТД
Санкт-Петербург
alexei.yoyo@gmail.com*

ПУБЛИЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО В ФАКТАХ ОТЧУЖДЕНИЯ И ПРИСВОЕНИЯ ФЕНОМЕНОВ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

В статье предлагается оригинальная типология случайных явлений отчуждения и присвоения феноменов городской среды, рассмотренных в общественном, частном и личном масштабах с указанием места творчества в них. Предлагаемая итальянским теоретиком Альдо Росси методология теории фактов городской среды является историческим, поэтому ниже она раскрывается с философских позиций как теория феноменов городской среды с опорой на размышления Мартина Хайдеггера. А явления отчуждения-присвоения рассматриваются с позиции критики цинического разума Питера Слотердайка. Факты отчуждения в различных масштабах человеческого вот-бытия широко представлены в пространстве Санкт-Петербурга. Однако они также дополняются явлениями консенсуса и присвоения относительно различных локаций. Всестороннее рассмотрение таких случайных явлений позволяет рассмотреть конструктивные элементы творчества в пространстве города. Данное исследование позволяет обнаружить, что творчество, становясь публичным, возвращает человека в общественное пространство, преодолевая отчуждение в тяготе к искусству.

Ключевые слова: урбанистика, феноменология, отчуждение, цинизм, присвоение, эстетика, творчество, искусство

Статья написана в рамках научного проекта, поддержанного грантом РФФИ № 18-011-00552 «Проблема идентичности в зонах культурного отчуждения городской среды» (СПбГУ).

Y.M. MALTSEVA

*PhD in Philosophy,
Senior lecturer SPbSU
Saint-Petersburg*

A.A. NOSKOV

*Master of Philosophy,
Lecturer SPbSUITD
alexei.yoyo@gmail.com
Saint-Petersburg*

PUBLIC CREATIVITY IN FACTS OF EXCLUSION AND APPROPRIATION OF URBAN ENVIRONMENT PHENOMENA OF SAINT PETERSBURG

The article offers an original typology of random events of alienation and appropriation of phenomena of urban environment, considered in public, private and personal scale with the indication of the place of creativity in them. The methodology of the theory of facts of the city environment proposed by the Italian theorist Aldo of Russia is historical, therefore below it is opened from philosophical positions as the theory of phenomena of the city environment with support of Martin Heidegger's reflections. And the phenomena of exclusion-appropriation are considered from the point of view of criticism of Peter Slaughterdike's cynical mind. The facts of alienation in different scales of human existence are widely represented in the space of St. Petersburg. However, they are also supplemented by the phenomena of consensus and appropriation in relation to different locations. Comprehensive consideration of such casual phenomena allows to consider constructive elements of creativity in city space. The given research allows to find out that creativity becoming public returns the person in public space overcoming estrangement in gravitation to art.

Keywords: urbanism, phenomenology, exclusion, cynicism, appropriation, aesthetics, creativity, art

The present article is part of a research project supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 18-011-00552, SPbSU.

Предлагаемый А. Росси метод изучения городской среды в тексте «Архитектура города» декларируется как исторический [1; С.168]. Тяготение исследователя к позициям, фиксирующим ведущую роль общества для существования человека, также влияет на конкретную экспликацию метода. Помимо этого можно зафиксировать ряд общих методологических и теоретических лакун, затрудняющих целостное понимание феноменов

города. Поэтому куда более основательным выглядит применение этого метода, развернутого с позиций феноменологического исследования. Ниже предлагается философский набросок осмысления фактов современного Санкт-Петербурга в различных масштабах значимости личного, частного и общественного в ракурсе отчуждения-присвоения. Для осмысления далеко не полного перечня таких фактов привлекается критика цинического отношения, разоблаченного П. Слотердайком [3]. Эстетический опыт творческого потребления и производства может дать ключ к осмысленному преодолению отчужденности и равнодушия тех феноменов, которые необходимо присваивать и целенаправленно осваивать в Санкт-Петербурге.

Далее приводится матрица фактичности конкретного города. Такая сетка пересечений и различений есть прокрустово ложе для случайных данностей города. Тем не менее, эти приложенные усилия могут позволить охватить целостное понимание феноменов пространства Санкт-Петербурга. Предлагаемое различение, прежде всего, основано на разнице в масштабах фактов, формирующихся в общественных, частных отношениях или в отношении к самому себе. Такие факты могут пересекаться вплоть до полного совпадения или вообще не совпадать. Параллельно с этим в указанной сетке различений используются особенности организация жизни горожан: в местах трудовой деятельности, общественной рекреации, в местах проживания. При этом здесь применяется введенное А. Росси разграничение значимости городских локусов: их первичность или зависимость от первых. Что касается особенностей Санкт-Петербурга, то предлагаемая теоретиком дихотомия центр города – жилье в данном случае не срабатывает. Центр города активно используется как жилье, при этом являясь целостным памятником архитектуры мирового значения. Поэтому целесообразно различать помимо первичных и вторичных феноменов городской среды (далее – ФГС) также и переходные их формы.

Таким образом, на общественном уровне первичные ФГС представлены фактами использования среди прочего памятников и центра города как аттракторов различной деятельности. В качестве примера отчуждения можно привести ограничение светской или религиозной властью доступа к тем памятникам, в которых она размещается. Все военные ведомства, а также комплекс Смольного собора и Смольного дворца тому выразительное подтверждение: в обоих случаях проникновение и осмотр памятников требуют исключительных усилий. Примером консенсуса при использовании локусов в общественном масштабе могут служить заброшенные и приходящие в негодность дома-памятники, все функциональные пространства города: кладбища, тюрьмы, промышленные зоны, а также неподлинны художественные интервенции (В. В. Савчук) в виде памят-

ников остающихся невидимыми для жителей и туристов Санкт-Петербурга. Например, особняк Нарышкиной на ул. Чайковского, бывший онкологический центр, заброшен и превращается в руины. Редкий пример общественного присвоения как освоения — это недавний пример перевода из военного ведомства в партикулярное использование о. Новая Голландия под рекреационную и творческую зону города.

Промежуточной формой ФГС могут служить жилые памятники, в том числе доходные дома с коммунальными и частными квартирами. Примерами цинического отчуждения общественного масштаба здесь могут быть повсеместные заборы, непроницаемые дворовые ворота и прочее огораживание внутренних пространств центра города. Или, иначе говоря, «тот, кто ограждает себя высоким забором, выказывает недоверие к окружающим и поэтому не способен жить в гармонии с миром в целом» [2; С 91]. Согласно общественному консенсусу остаются как бы незамеченными бесхозные пустующие кварталы некогда жилых домов центра города с их грязными, разбитыми и темными окнами. Положительными примерами общественного освоения здесь могут быть многообразные хостелы, частные музеи и галереи, размещенные в квартирах домов-памятников.

Вторичные ФГС или жилье в Санкт-Петербурге расположены, прежде всего, на периферии городского пространства — это так называемые «спальники». Характерным фактом социального отчуждения здесь является кардинальное архитектурное отличие от первичных ФГС. Санкт-Петербург в таких районах теряет свою уникальность, остраивается (отчуждается) до планировочной неузнаваемости и архитектурной безликости любого развивающегося города России. Общественным консенсусом выглядит равнодушное принятие угрюмой многоэтажной застройки таких «человейников» без развитой инфраструктуры. Однако, несомненно, положительным является развитие города через присвоение и освоение новых территорий, вследствие неизменной тенденции урбанизации и, тем самым, экспансии больших городов. В идеальном случае успешного освоения оно призвано уменьшить нагрузку на центр города и компенсировать центростремительную силу мегаполиса. Таким образом, общественные явления можно обнаружить в первичных, промежуточных и вторичных ФГС. Причем проявляют они себя в режимах отчуждения, консенсуса или присвоения. И только последний несет положительный экзистенциальный импульс, позитивно влияющий на социальную открытость и творческую атмосферу города.

Меньший масштаб частных фактов ограничивается малыми социальными группами: семьей и прочими сообществами по какому-либо признаку объединяющими горожан. Здесь может идти речь о частных владениях в диапазоне от несобственного отношения через равнодушие до

собственного сознательного отношения к объектами владения. Примером несобственного отношения к частным владениям в городской среде могут быть отчужденные памятники внутри частных территорий с ограниченным доступом к ним помимо владельцев или пользователей таких территорий. Иллюстрацией тому может служить комплекс зданий бывших государственных конюшен и манежа с куполом в закрытом дворе по ул. Маяковского, 15. Образцом равнодушного частного отношения могут служить сокрытые или намеренно спрятанные памятники: покрашенное, заложённое и замазанное под современный интерьер историческое наследие. Случаев такого отношения множество еще со времен советского уклада. Напротив, положительным примером освоения как собственного сознательного отношения к архитектурным памятникам могут служить пространства, где переоткрывается и поддерживается исторический контекст. Выразительной иллюстрацией этого может служить посты в Инстаграме одного примечательного петербуржца.

Промежуточные формы ФГС можно обнаружить в характерных коммунальных квартирах Санкт-Петербурга или, иначе говоря, «микрорайон». Вынужденное соседство на относительно небольшой общей площади старых квартир помимо прочего провоцирует негативные социальные отношения в таких малых группах в пространстве памятников. Нередко здесь царит особая атмосфера подозрительности, ведь «недоверие – это ум обделенных» [3; С.235]. В несобственном отношении в пространстве коммунальных очагов появляются, множатся и укореняются глухие запоры, металлические двери и замурованные черные ходы. Именно здесь можно фиксировать особенный тип недоверчивых и бдительных соседств. При этом под особым равнодушием оказываются места общего пользования, обычно наиболее запущенные и неустроенные. Сигналами атмосферы равнодушия являются многочисленные личные дверные звонки у входной двери в квартиру, множество стульчаков в туалете и прочие характерные атрибуты коммунального рая. Однако недавним образцом собственного или сознательного отношения является тренд молодого поколения жить сообща своими малыми коммунами по интересам в многокомнатных квартирах, расположенных в центре Санкт-Петербурга. Иллюстрация тому – сообщества универсантов Европейского университета или квир-коммунальные квартиры.

Факты вторичных ФГС связаны с многоквартирными домами на периферии города. Негативным примером несобственного отношения является неизменный вид окружающего пространства. Из окон таких квартир нередко виды пустыри, скоростные трассы и промышленные зоны. Избавлением от этого унылого вида может стать лишь появление еще одной высотки неподалеку. Образцом равнодушия во вторичных ФГС ста-

новится холодность к окружающим вследствие доступной изолированности от общества: в Петербурге нередко можно зафиксировать отсутствие желания у горожан как принимать гостей, так и самим ходить в гости. Напротив положительным примером собственного отношения будет обживание и обустройство семейного очага, создание домашнего уюта. Как видно из представленных выше фактов, частный масштаб ФГС обнаруживает себя в различных по значимости городских пространствах и отзывается в феноменах несобственного, равнодушного или собственного отношения малых групп к ткани городской среды. И снова творческая атмосфера проявляет себя позитивно в собственном, сознательном экзистенциальном отношении к рассмотренным здесь феноменам.

Наименьший, но вовсе не по значимости, масштаб личных ФГС прежде всего связан с персональным проживанием и переживанием города. И здесь факты разворачиваются в диапазоне от негативного явления одиночества или заброшенности к положительному феномену уединения через изоляцию. Памятники Санкт-Петербурга с позиции заброшенности оказываются неуместны, не вызывают личного отклика. Даже шире, существует явление общего отчуждения коренного петербуржца никогда не бывавшего в глубинке России от уникальности памятников Санкт-Петербурга. Такому человеку со временем становится привычным необычное. Факт изоляция ФГС проявляется в исторической амнезии по тем или иным причинам об архитектурной среде, в которой пребывает беспаятный горожанин. И только случаи уединения с памятниками позволяют наладить внутренний диалог, активно эксплуатировать культурное наследие в собственном наброске вот-бытия.

Коммунальная жизнь чревата проявлениями одиночества: ощущением заброшенности в окружающей людской толпе. Помимо этого – проявлениями специфических психозов. Прежде всего, это достаточно частные случаи собирательства или подмена людей вещами и наоборот в попытке фрустрации. А также параноидальные идеи о враждебном настрое окружающих. Фактом феномена изоляции в коммунальных квартирах становится равнодушие к городским маргиналам: малоимущим, неустроенным и сильно пьющим людям. Положительное отношение к уединению сказывается на сознательном выборе быть неподалеку от бурной жизни центра города, когда в любой момент по своему желанию можно прервать это состояние уединения.

Отдаленные жилые районы города порождают изоляцию изоляции отдельного человека: ниспадение в успокоенное одиночество превращается в проявления хихиккомори, годами никем не замеченную смерть людей в собственном жилье. Изоляция «спальников» сказывается отчуждением от центра города, люди не чувствуют необходимость выбираться в

центр и не испытывают тяги к продуктивному социальному взаимодействию. Сознательное уединение в отдаленном и оторванном от первичных ФГС и центра Санкт-Петербурга жилье оправдывается концепцией места для личной рекреации, когда в такую квартиру приезжают «только поспать». Тем самым, можно зафиксировать личный масштаб во всех по значимости ФГС, проявленных в формах одиночества-заброшенности, изоляции, а также уединения. Лишь последнее может служить рецептом к негативному влиянию города и персональным выходом к собственной творческой потенции петербуржца.

Таков далеко не полный перечень фактов, уложенный в предлагаемую схему феноменов современной городской жизни. Очевидно, что при взгляде на целое можно обнаружить укорененность отчуждения в циническом или в просвещенном ложном сознании [3; С.33], не смотря на городской кинический импульс обращенный критикой на подобные заблуждения. А экзистенция наброска вот-бытия посредством творчества в городской среде через производство и потребление эстетического в опыте может позволить снять устоявшиеся противоречия отчуждения как ниспадения в такое очевидное ничто: «Эта успокоительность ниспадения представляет собой не что-то вроде остановки в его движении, но его медленное нарастание. В покойной самопонятности такого бытия вот-бытие как бы дрейфует в направлении отчуждения от самого себя» [5; С.296]. Причем в указанном различии нет противопоставления между отчуждением-присвоением, но фиксируется лишь степень осознанности, продуманности экзистенциального наброска вот-бытия. Персональное уединение открывает просвет между цинизмом и кинизмом через творчество в изготовлении-творении как обнаружении несокрытости истины бытия в моментах этоса и эстезиса [4]. Цинизму самоотчуждения ради отдаленных целей любыми средствами отвечает в пространстве города критика кинического импульса как дерзости быть и, тем самым, открывает осознанный проект вот-бытия. Ирония цинизма Санкт-Петербурга проявляется повсеместно: например, уличное искусство почему-то сдано городом в музей. Но в данном масштабе личного рассмотрения намечается движение от свободы творчества как рафинированного эскапизма через набросок экзистенциального проекта вот-бытия к подлинности искусства в свободе самовыражения независимо от локации. Такое движение фиксируется от овеществления города к пониманию его как собственного творения через обыденность изделия преодолевая рассмотренные в фактах выше варианты самоотчуждения.

В представленном исследовании рассматриваются общественные явления в первичных, промежуточных и вторичных ФГС, которые проявляют себя в режимах отчуждения, консенсуса или присвоения. Активное

присвоение несет положительный экзистенциальный импульс, позитивно влияет на социальную открытость и творческую атмосферу города. Частный масштаб ФГС рассмотрен в различных по значимости городских пространствах и несокрыт в феноменах несобственного, равнодушного или собственного отношения малых групп к ткани городской среды. Причем творческая атмосфера проявляет себя позитивно в собственном, сознательном экзистенциальном отношении к рассмотренным здесь феноменам. Личный масштаб во всех по значимости ФГС, проявленных в формах одиночества-заброшенности, изоляции, а также уединения. Лишь последнее может служить рецептом к негативному влиянию города и персональным путем к собственной творческой потенции горожанина. В предложенном здесь различении феноменов отчуждения-присвоения в различных масштабах рассмотрения намечается пересечение или непересечение тенденций взаимосвязанных с пространством Санкт-Петербурга явлений. Феноменологически эти три различных вида сознательного отношения к другим, миру и себе формируют определенную обусловленность жизни конкретного города. Творчество при этом дает импульс саморазвитию в рамках города и преодолению явлений отчуждения в наброске вот-бытия. Реализуя этот импульс и становясь публичным, творчество в пространстве города возвращает человека обществу через стремление к искусству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Росси А. Архитектура города. – М.: Strelka Press, 2000. – 264 с.
2. Савчук В.В. Забор – третья беда России // Неприкосновенный запас. – 2019. – №1(123). – С. 83–96.
3. Слотердаjk П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ МОСКВА, 2009. – 800 с.
4. Хайдеггер М. Исток художественного творения // Исток художественного творения. — М.: Академический проект, 2008. – С. 76-237.
5. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. – Томск: Издательство «Водолей». 1998. – 384 с.

TRANSLIT

1. Rossi A. Arkhitektura goroda. – М.: Strelka Press, 2000. – 264 s.
2. Savchuk V.V. Zabor – tret'ya beda Rossii // Neprikosnovenny zapas. – 2019. – №1(123). – S. 83–96.
3. Sloterdajk P. Kritika tsinicheskogo razuma. – Yekaterinburg: U-Faktoriya, M.: AST MOSKVA, 2009. – 800 s.
4. Khaydegger M. Istok khudozhestvennogo tvoreniya // Istok khudozhestvennogo tvoreniya. – М.: Akademicheskij proyekt, 2008. – S. 76-237.
5. Khaydegger M. Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni. – Tomsk: Izdatel'stvo «Vodoley». 1998. – 384 s.